

К. Н. Леонтьевъ, какъ религіозный мыслитель.¹⁾

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

К. Н. Леонтьевъ, какъ религіозная личность.

Ш.

(1870—1872 г.)

До 71 года духовное развитіе Леонтьева шло нормально, если подъ этимъ разумѣть послѣдовательное углубленіе и расширеніе основныхъ началъ его души, сказавшихся еще въ студенческую пору.

Въ религіозномъ отношеніи онъ представлялъ собою денста, объединившаго въ своемъ лицѣ и матеріалиста. Богъ есть, но міровая жизнь идетъ независимо отъ Него, являя собою развитіе отъ простаго къ сложному матеріальнаго начала. Историческія религіи оцѣниваются, какъ простые факты жизни, критеріемъ самобытности и сложности. Леонтьевъ устами одного изъ своихъ героевъ („Ай-Бурунъ“), повидямому, съ равной охотой готовъ или въ христіанство обратитъ понравившуюся мусульманку, или самому перейти въ религію ислама. Поцѣпной религіей Леонтьева былъ пышно развившійся и оформленный эстетизмъ. Сложность и многообразіе міровой жизни обязываетъ человѣка къ пол-

¹⁾ См. Труды Киевск. Дух. Академіи, май, 1909 г.

нотѣ жизни, которая становится долгомъ его. Подчиненная общему матеріальному закону, человѣческая жизнь измѣряется даннымъ критеріемъ. Простота знаменуетъ первоначальный, исходный пунктъ ея; она же, являясь на смѣну сложности, знаменуетъ смерть. Сложность—расцвѣтъ жизни.

Прогрессъ, воплощающій въ жизни общія для всѣхъ начала равенства, братства и свободы, противорѣчитъ самымъ элементарнымъ требованіямъ науки, узаконяющей именно неравенство. Въ жизни народовъ прогрессъ ведетъ именно къ той простотѣ, которая означаетъ простоту труппа.

Жизнь должна быть организована въ надеждѣ противостоять прогрессивному ходу ея. Необходима организація разумныхъ, но твердыхъ мѣръ насилія. Сильная государственная власть, обособленность сословій и бытовой жизни отдѣльныхъ классовъ—внутри страны, обособленіе націй во внѣ—вотъ основная задача, которая должна преслѣдоваться руководителями жизни.

Христіанство и Коранъ являются „практическими“ религіями: одна узаконяетъ страданіе и борьбу (слова Руднева), другая — общественный пессимизмъ. Развитой культъ православія соответствуетъ требованіямъ ясности и округленности.

Моральныя начала особой цѣны не имѣютъ: они должны быть подчинены началу красоты, дѣлаясь черезъ то только однимъ изъ видовъ ея.

1871 годъ въ жизни Леонтьева ознаменовывается глубокимъ переворотомъ въ его жизни, „жесточайшимъ переломомъ ея“, результатомъ котораго явилось „возвращеніе къ положительной религіи“ — восточному православію. Соответственными внутреннему кризису внѣшними фактами являются удаленіе на Афонъ съ намѣреніемъ подготовиться къ принятію монашества и затѣмъ въ 73 году оставленіе консульской службы.

Эта эпоха—самая темная въ жизни Леонтьева. Самъ Леонтьевъ на просьбу В. В. Розанова „объяснить, что заставило его оставить дипломатическую карьеру и думать о монашествѣ“, написалъ слѣдующій „афоризмъ“: „полуоткровенность и недосказанность часто больше вредятъ настоящему пониманію чужой жизни, чѣмъ совершенное умалчваніе“. А „съ полной откровенностью,—продолжаетъ II—въ — я объ этомъ въ *письмѣ* распространяться не могу. Если Богъ поможетъ намъ увидаться, то на *словахъ*—другое дѣло!“¹⁾ Личнаго свиданія не состоялось, и то, что Леонтьевъ собирался рассказать Розанову, унесено имъ въ могилу.

Биографы разнo подхoдятъ къ этому знаменитому году. Г. Александровъ²⁾ склоненъ видѣть здѣсь естественное развитіе Леонтьева. „Единство (вмѣстѣ съ многообразіемъ) Леонтьевъ обрѣлъ въ старомъ и святомъ нашемъ православіи“, съ которымъ хорошо ознакомился на Востокаѣ. Авторъ французской статьи г. Черновъ, лично хорошо знавшій Леонтьева³⁾, своими словами увеличиваетъ таинственность факта. «Душа человѣческая потемки, и мы не станемъ доискиваться, что именно влекло Леонтьева въ монастырскія общины, дѣйствительная ли искренность вѣры, безсознательное ли чувство оскорбленнаго тидеславія, или отвращеніе къ характеру современной жизни“⁴⁾. „Кое-какъ“ объясняетъ въ своемъ цитированномъ выше письмѣ къ В. В. Розанову этотъ „переломъ“ и самъ К. Н. Леонтьевъ. „Причинъ было много разомъ и *сердечныхъ* и *умственныхъ*, въ которыхъ нерѣдко гораздо больше открывается Высшая Телео-

¹⁾ „Изъ переписки К. Н. Леонтьева“, Р. В. 1903, VI, стр. 421

²⁾ „К. Н. Леонтьевъ“, стр. 264.

³⁾ По тетрадямъ Леонтьева, Черновъ—кн. Голицынъ, редакторъ „Варш. Дневника“, помощникомъ котораго одно время былъ Леонтьевъ.

⁴⁾ „К. Н. Леонтьевъ“ г. Александрова, стр. 256.

логия, чѣмъ въ ясныхъ самому человѣку его внутреннихъ поророжденіяхъ. Думаю, впрочемъ, что въ основѣ всего лежать, съ одной стороны, уже и тогда, въ 1870—71 году: *давняя* (съ 1861—62 года) философская ненависть къ формамъ и духу *новѣйшей европейской* жизни (Петербургъ, литературная пошлость, желѣзные дороги, пиджаки и цилиндры, рационализмъ и т. п.); а съ другой, *эстетическая* и *дѣтская* какая-то приверженность къ *внѣшнимъ формамъ* православіа; прибавьте къ этому сильный и неожиданный толчокъ сердечныхъ *глубочайшихъ* потрясеній (слыхали вы франц. поговорку: «*Cherchez la femme!*», то есть во всякомъ серьезномъ дѣлѣ жизни «ищите женщину»); и наконецъ, внѣшнюю *случайность опаснѣйшей и неожиданной болѣзни* (въ 1871 году) и *ужасъ умереть въ ту минуту, когда только что были задуманы* и не написаны еще: и *гипотеза тридекаго процесса*, и «Одиссей Полихроніадисъ» (лучшее, по мнѣнію многихъ, художественное произведеніе мое), и, наконецъ, не были еще высказаны о «юго-славянахъ» всѣ тѣ *обличенія* въ европеизмъ и безвѣріи, которыя я самъ признаю рѣшительно исторической заслугой моею (самъ Катковъ этой опасности не понималъ, или не хотѣлъ на нее указать по свойственному ему оппортунизму и хитрости)... Однимъ словомъ: *все главное* мною сдѣлано послѣ 1872—73 г., т. е. послѣ побѣдки на Афонѣ и послѣ *страстнаго* обращенія къ личному православію... *Личная въри почему-то вдругъ* докончила въ 40 лѣтъ и политическое и художественное воспитаніе мое. Это и до сихъ поръ удивляетъ меня и остается для меня таинственнымъ и непонятнымъ. Но въ *лѣто 1871 года*, когда, консуломъ въ Салоникахъ, лежа на диванѣ въ страхѣ *неожиданной* смерти (отъ сильнѣйшаго приступа *холеры*), я смотрѣлъ на образъ Божіей Матери (только что привезенный мнѣ монахомъ съ Афона), я *ничего этого* предвидѣть еще не могъ, и всѣ литературные планы мои были даже очень смутны. Я

думать въ ту минуту даже не о *спасении души* (ибо вѣра въ Личнаго Бога давно далась мнѣ гораздо легче, чѣмъ вѣра въ *мое собственное личное безсмертіе*); я, обыкновенно вовсе небоязливый, пришелъ въ ужасъ просто отъ мысли о *тѣлесной смерти* и, *будучи уже заранее подготовленъ* (какъ я уже сказалъ) цѣлымъ рядомъ другихъ психологическихъ превращеній, я *вдругъ*, въ одну *минуту повѣрилъ* въ существованіе и могущество *этой Божіей Матери*; повѣрилъ такъ ощутительно и твердо, какъ если бы видѣлъ предъ собою *живую, знакомую, дѣйствительную* женщину, очень добрую и очень могущественную, и воскликнулъ: «Мать Божія! *Рано!* Рано умирать мнѣ... Я еще ничего не сдѣлалъ достойнаго моихъ способностей и велъ въ *высшей степени* развратную, *утонченно-грѣшную* жизнь! Подыми меня съ этого одра смерти. Я поѣду на Аѳонъ, поклонюсь старцамъ, чтобы они обратили меня въ *просто* и *настоящаго* православнаго, вѣрующаго и въ *среду*, и въ *пятницу*, и въ чудеса, и даже постригусь въ монахи»... Черезъ 2 часа я былъ здоровъ; все прошло еще прежде, чѣмъ явился докторъ; черезъ три дня я былъ на Аѳонѣ; постригаться немедленно меня отговорили старцы, но *православнымъ* я сталъ очень скоро подъ ихъ руководствомъ... Къ *русской* и эстетической *любви* моей къ церкви надо прибавить еще то, чего не доставало для исповѣданія даже «середы и пятницы»: *страха* грѣха, страха наказанія, страха Божія, страха духовнаго. Для достиженія этого страха *духовнаго* нужно было моей гордости пережить всего только два часа *физическаго* (и обиднаго) ужаса. Я *смирился* послѣ этого и понялъ сразу ту высшую теллологію случайностей, о которой говорилъ. Физическій страхъ прошелъ, а *духовный остался*. И съ тѣхъ поръ я отъ *вѣры* и *страха Господня* отказаться уже *не могу*, если бы даже и *хотѣлъ*... Религія не всегда утѣшеніе; во многихъ случаяхъ она тяжелое иго, но кто истинно увѣровалъ, тотъ съ этимъ игомъ уже ни за что

не разстанется! И всякое *сомнѣніе*, всякое *невыгодное* для религіи философствованіе онъ будетъ съ ненавистью и презрѣніемъ *лего* отъ себя отгонять, какъ отгоняютъ несносную муху... А что было послѣ обращенія, послѣ 1871—72 года,—объ этомъ рассказывать невозможно *здесь*! Эти 20 лѣтъ, отъ 40 до 60, и *прожилъ* совсѣмъ *иначе*, чѣмъ первое 20-лѣтію зрѣлости (отъ 20 до 40 лѣтъ). Я не говорю лучше, безгрѣшнѣе, а только *иначе*, совсѣмъ съ другимъ основаніемъ, глубже и полнѣе... Въ эти же послѣднія 20 лѣтъ (послѣ Аэона) я и написалъ все лучшее и оригинальное“...

Приведенное нами собственное воспоминаніе Леонтьева—шестидесятилѣтняго старика о критическомъ сороковомъ годѣ, къ сожалѣнію, не вскрываетъ *внутренней* стороны процесса, ограничивался, главнымъ образомъ, внѣшними фактами: „тайнственнымъ и непонятнымъ“ осталось для него вплоть до послѣдняго года жизни, по его собственнымъ словамъ, „завершеніе его художественнаго и политическаго воспитанія“ *личной впрѳой*, явившейся „какъ-то вдругъ“. Была ли его „личная вѣра“ *завершеніемъ* его предшествовавшаго міровоззрѣнія—вопросъ другой, и мы лично склонны думать иначе... Но что вѣра его—„простая и строго православная“, какъ онъ любилъ подчеркивать, и что опять нами отрицается—явилась „вдругъ“—это въ извѣстной степени правда. „Чужая душа потемки“, по словамъ г. Чернова, вѣроятно, не разъ бесѣдовавшаго съ Леонтьевымъ¹⁾ о его переломѣ... Да и собственная душа потемки—особенно въ нашихъ глубокоинтимныхъ переживаніяхъ, каковыми являются религіозныя отношенія человѣка къ Богу. И едва ли промилъ бы Леонтьевъ больше свѣта на свой переворотъ

1) По NB NB „Тетрадей“, Леонтьевъ и кн. Голицынъ были въ очень дружественныхъ отношеніяхъ...

при личной бесѣдѣ съ В. В. Розановымъ, если бы таковая и состоялась .. Можетъ быть, по самой природѣ религиознаго чувства послѣдній моментъ вѣры при обращеніи является всегда „вдруг“,—можетъ быть, говоримъ, полной эволюціи атеизма въ личную вѣру не бываетъ никогда...

При всемъ томъ—важно присмотрѣться къ двумъ сторонамъ происшедшаго перелома въ Леонтьевѣ.

1) Вѣра явилась „вдруг“. Пусть это такъ по отношеніи къ самому послѣднему моменту перелома—„завершенію“ его. Но въ *известной степени* все же онъ долженъ быть подготовленъ тѣми или иными фактами внутренней жизни.

2) Какова была вѣра Леонтьева по своей психологіи: была ли она дѣйствительно такою твердой вѣрой, какъ опредѣляетъ ее онъ самъ спустя двадцать лѣтъ жизни подъ руководствомъ монастырей?

Эстетическое чувство было *spiritus rector* душевнаго настроенія Леонтьева. „Эстетической приверженности къ виѣшнимъ формамъ православія“ онъ и самъ отводитъ мѣсто въ ряду факторовъ перелома...

Мы не имѣемъ основаній ни изъ предыдущей, ни даже изъ послѣдующей жизни Леонтьева понять его послѣднія слова такъ, какъ, повидимому, самъ онъ ихъ понимаетъ: въ собственномъ смыслѣ слова *религозная* красота виѣшнихъ формъ православія, включая сюда и высшее изъ нихъ—культъ, осталась, думаемъ, навсегда непонятою имъ. Но объ этомъ ниже. Тѣмъ не менѣе, извѣстная доля правды содержится въ собственномъ признаніи Леонтьева: эстетика привела его къ вѣрѣ кружнымъ, если позволено будетъ такъ выразиться, путемъ.

Эстетическому чувству Леонтьевъ придавалъ большое значеніе, какъ могучему средству оздоровленія души отъ пошлости „прогресса“. Эстетизмъ вывелъ на истинную дорогу (хотя за смертью и не провелъ по ней

до конца) „московскаго *настоящаго* барина, изящнаго по вкусамъ, идеальнаго по воспитанію“ А. И. Герцена ¹⁾. „Доживи Бѣлинскій до нашей эпохи, дѣлаеть въ 1885 году примѣчаніе къ одному пункту своей статьи „Грамотность и народность“ Леонтьевъ ²⁾, онъ сдѣлался бы славянофиломъ: такой *пламенный эстетикъ* (кур. нашъ), каковымъ былъ Бѣлинскій, обратился бы къ Московскому духу при первомъ появленіи Добролюбова и Писарева“. Почему обратился бы? Да потому, что, по Леонтьеву, эстетизмъ заключаетъ въ себѣ отвращеніе къ уравнительной прозѣ мѣщанства Европы и признаніе многообразія и самобытности, ибо самобытность въ многообразіи и есть сама красота.

Важной самобытной чертою русской народной жизни служить религіозность опредѣленной православной формы. Подлинно религіознаго человѣка коробить часто допускаемое при оцѣнкѣ этого факта подчиненіе высшей цѣнности цѣнности низшей. Но у Леонтьева такое подчиненіе не лицо. „Тертій Ивановичъ, сдѣлай меня русскимъ“—обратился на студенческой скамьѣ къ своему товарищу, извѣстному Т. И. Филиппову, нѣмецъ Константинъ Карловичъ Зедергольмъ, впоследствии іеромонахъ Оптиной пустыни Климентъ, *интимный другъ самого Леонтьева*. „Для этого прежде всего надо стать православнымъ“, отвѣчалъ тотъ. Не беремся рѣшать, чѣмъ было православіе для самого Т. И. Филиппова: самостоятельной цѣнностью или чѣмъ-то въ родѣ русской народной пѣсни... Но эти слова его были поняты Зедергольмомъ, alter ego Леонтьева по религіозному строенію, въ смыслѣ признанія православія самобытной и *потому* цѣнной чертою русской души. „Желаніе обрусѣти симпатія къ русскимъ національнымъ формамъ привели къ

¹⁾ См письмо Л. въ статьѣ о. Фуделя „Культурный идеал К. Н. Леонтьева“, стр. 264. Также—„Востокъ, Россія и Славянство“, т. II, стр. 11.

въ церковь, а потомъ и въ скитъ⁴, говорить въ жизнеописаніи его монахъ Леонтьевъ, очевидно, не видя въ такомъ оборотѣ дѣла никакой опасности для самой религіи¹⁾...

Эстетически—а это для Леонтьева критерій добра и правды—цѣнили онъ православіе въ періодъ своего деизма=атеизма. Православіе—одинъ изъ моментовъ полноты жизни. „Только разнообразная жизнь Константинополя—вишеть онъ въ 75 году, но про время много раннее, къ другу своему К. А. Губастову—только разнообразная жизнь Константинополя, гдѣ есть и *отшельники* на о. Халки, въ лѣсу, и гостинная Игнатъевыхъ, и политическая жизнь, и *поздняя обѣдня*, и безконечный матеріалъ для литературы, только эта сложная жизнь могла удовлетворить моимъ *нестерпимо* сложнымъ потребностямъ“..²⁾ „Какъ было весело тогда, вспоминаетъ Л. опять время *до* обращенія своего: на о. Халки тишина, Греки, монахи въ сосновомъ лѣсу, свобода писать сколько хочу, прелестный видъ, а въ посольствѣ *поздняя обѣдня, хорошая, барская такая*“³⁾...

Эстетическое чувство, такимъ образомъ, толкало Леонтьева къ православію, цѣнному для него и въ силу своей увлекательной сложности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ силу того, что оно было самобытной стороною русской народной жизни.

Въ числѣ причинъ своего религіознаго переворота Леонтьевъ не указываетъ съ нашей точки зрѣнія главнѣйшей, коренящейся въ общечеловѣческихъ законахъ душевной жизни человѣка. Но мы остановимся на ней, ибо думаемъ, что только *при ней* имѣли свою силу перечисляемыя Леонтьевымъ, по нашему мнѣнію, все же *второстепенныя* причины.

1) „Отецъ Климентъ Зедергольмъ“, стр. 3.

2) „Письма“..., кн. IX, стр. 367.

3) Тамъ же, стр. 369.—Курсивъ нашъ.

Научно-позитивное мировоззрѣніе разсматриваетъ чело-
вѣка, какъ продуктъ исторической среды. Для позитив-
ной науки чело-вѣкъ только „вещь“, и, какъ таковой, онъ
лишь одно изъ звеньевъ въ общей цѣли причинностей.
Пользуясь одними лишь предикатами „дѣйствительный“ и
„недѣйствительный“, наука игнорируетъ стремленіе чело-
вѣческой души къ тому, что *должно быть*, всецѣло ограаничи-
ваясь тѣмъ, что *есть*¹⁾: здѣсь предѣлы науки—и для ея
утвержденій, и для ея отрицаній.

Но этою эмпирической стороною не исчерпывается су-
щество чело-вѣка по сознанію самихъ же людей науки²⁾. За
доступной естественному воззрѣнію стороною стоитъ таин-
ственный центръ чело-вѣческой личности съ его идеалами,
выходящими за границы земной жизни и условій міра, и въ
такомъ своемъ значеніи предполагающими виѣмѣрную осно-
ву чело-вѣческаго существа: тамъ, гдѣ заканчиваются предѣ-
лы науки, въ свои законныя съ научной же точки зрѣніи
права вступаетъ религія³⁾.

1) Этотъ взглядъ нашель типичное выраженіе, напр., въ
ст. г. Софронова „Механика общественныхъ идеаловъ“ („Вопросы
философіи и психологіи“, 1901 г. № 59).

2) Э. дю Буа Реймонъ „О границахъ познанія природы“. Се-
мь мировыхъ загадокъ. Изд. 2. Москва, 1901. См., напр., стр.
16. Такова же главная мысль отвѣтственной лекціи проф. Вернад-
скаго „О научномъ мировоззрѣніи“ („Вопросы философіи и психоло-
гіи“, 1902 г., № 65; въ части. стр. 1444). См. также „Введеніе
въ философію“ Фридриха Паульсена, 2 изд. М. 1899, стр. 7 и
далѣе; „Ученіе о Логосѣ въ его исторіи“ кн. С. Н. Трубецкого,
т. I. М. 1900, стр. 380—381: рѣчь о границахъ постиженія
наукой гевіальныхъ лицъ, но все сказанное примѣнимо и къ
каждому чело-вѣку...

3) Главная мысль перваго тома труда проф. В. Несмѣлова
„Наука о чело-вѣкѣ“. См. особенно VI гл. „Живое мировоззрѣніе
и естественная религія“ (Стр. 241—298 по 3 изд.). См. также
проф. Тарѣева „Жизнь и ученіе Христа“, ч. 1. Сергіевъ Посадъ.
1903 г., стр. 28—34.

Человѣкъ—образъ и подобіе Бога и въ Немъ поэтому имѣетъ основу своего существа—въ этомъ начало и конецъ религіознаго представленія о человѣкѣ. „Если наглядно изобразить это ученіе о человѣкѣ, то душу человѣка нужно представить въ видѣ луна, исходящаго отъ Бога и снова къ Нему возвращающагося и только на нѣкоторомъ протяженіи отграниченнаго сознаниемъ“¹⁾. И вотъ въ этихъ первоисточникахъ нѣдрахъ индивидуальнаго человѣческаго духа—корень религіи человѣка. Тайственной, никогда не прерывающейся нитью соединенъ человѣкъ съ Богомъ, и какъ по своему происхожденію, такъ въ извѣстномъ смыслѣ и впоследствии, когда опытъ сдѣлаетъ человѣческій духъ многостороннею индивидуальностью, она является независимой отъ опыта. Религіей была, мы видѣли, для Леонтьева эстетика. „Пусть, слышали мы слова его двойника Милькѣва, буду я на необитаемомъ островѣ (забуду, другими словами, совершенно людей), и тамъ все тоже... Красота все...“ Но пусть зажмурится Леонтьевъ и забудетъ не только людей, которыхъ онъ въ приведенныхъ словахъ имѣетъ въ виду, но и весь міръ съ его внѣшними линіями и красками! Для него, повидимому, тогда душа будетъ бѣлымъ листомъ... А мы думаемъ: не пустымъ пространствомъ будетъ она и тогда... Быть можетъ, именно тогда-то съ большей силой заговорить въ немъ о своихъ религіозныхъ требованіяхъ духъ его... И думаемъ: каждый человѣкъ время

¹⁾ Мы беремъ образъ проф. Тарѣва изъ цит. мѣста. Употребляя его, М. М. Тарѣвъ дѣлаетъ примѣчаніе: „этотъ образъ имѣетъ недостатки: именно онъ можетъ быть истолкованъ въ пантеистическомъ смыслѣ, но потому-то мы употребляемъ его съ оговоркой, но недостатки объясняются самою невозможностью образно представить столь возвышенное ученіе; во всякомъ случаѣ образъ имѣетъ основанія въ словѣ Божиюмъ (Быт. II, 7; Еккл. XII, 7)“. Всецѣло присоединяемся къ этой оговоркѣ.

отъ времени закрываетъ глаза, „уходитъ въ себя“... „Сущность религіознаго чувства ни подѣ какія разсужденія, ни подѣ какіе проступки и преступленія и ни подѣ какіе атеизмы не подходитъ; тутъ что-то не то и вѣчно будетъ не то, тутъ что-то такое, (бо что вѣчно будутъ скользить атеизмы и вѣчно будутъ *не про то* говорить“—подходить къ этому таинственному источнику религіи Достоевскій¹⁾... И вотъ тамъ-то,—гдѣ забыто все—и время и мѣсто, и всякое достояніе, приходящее къ намъ *a posteriori*,—встрѣча религіознаго человѣка съ Богомъ, думающаго атеиста съ роковыми вопросами о Богѣ и человѣкѣ, для обоихъ родина религіи. Сюда неизмѣнно приводится на судъ, который совершается самимъ человѣкомъ и за свой личный страхъ и отвѣтственность, и наука, и эстетика, и горячая—да, и она!—самоотверженная работа на пользу другихъ... Христосъ уходилъ *въ пустыню*, а въ другой разъ отъ ближайшихъ Своихъ учениковъ „на верженіе камня“, когда хотѣлъ поставить Себя предъ Отцемъ Своимъ-Богомъ.

Леонтьевъ съ особой настойчивостью говорить о связи его личной души съ русской національной душою: ею онъ готовъ объяснить, видѣли мы, чуть не всецѣло свой религіозный переворотъ... Но родство-то это души Леонтьева съ обще-русской душой—не столько въ преклоненіи предъ самобытными бытовыми чертами жизни, сколько въ жаждѣ религіи, столь сильной у нашей интеллигенціи, сыномъ которой былъ Леонтьевъ.

„Валить вѣтеръ съ души русскаго вѣру“, говоритъ Розановъ... „Русская интеллигенція сплошь атеистична“—приговоръ, кажется, общепризнанный. Но вѣрно также и то, что „наши не просто становятся атеистами, а непременно *уверуютъ* въ атеизмъ, какъ бы въ новую вѣру... Такова наша

¹⁾ Соч. Ф. М. Достоевскаго, изд. А. Ф. Маркса, т. 6: „Идіотъ“, стр. 235.

жажда!"¹⁾ Атеизмъ русскихъ религіозенъ. И не въ томъ суть дѣла, что русскіе интеллигенты — „золотыя сердца, глиняныя головы“, что „сердце и совѣтъ ихъ почти всегда на правомъ пути, а умъ блуждаетъ“²⁾... Религіозность нашихъ атеистовъ—въ неудовлетворенности этими блужданіями ума *хотя бы при полномъ захватѣ души самоотверженной „общественностью“*: сказывается здѣсь подлинная родина религіозной вѣры.

Именно здѣсь-то и рѣшается вопросъ, такъ ли *легко* летитъ съ души русскаго интеллигента религіозная вѣра—эта, по выраженію Розанова, „солома“.

Вмѣстѣ съ „декларацией правъ человѣка“ къ намъ, въ соотвѣтствіи съ господствовавшей въ 40—60 годахъ на Западѣ философій, занесена была, какъ ея необходимое предположеніе—такъ казалось тогда—и идея объ *естественномъ* объясненіи мірового порядка: трагизмъ объединенія идеи правъ человѣка предъ обществомъ и идеи *его безправія* передъ природой не бросался на первыхъ порахъ въ глаза. Но время шло. Проходила первая пора либеральнаго гуманизма. И передъ мыслящими дѣятелями эпохи 40—60 годовъ вставалъ тотъ же мучительный, чисто религіозный вопросъ—подготавливалась та встрѣча человѣка съ Богомъ, о которой говорили мы выше: ясно было, что принятая религія—„естественно-научное міровоззрѣніе“—смѣется надъ гуманностью: что передъ природой—„этой глухой стѣной“—не имѣютъ никакого разумнаго оправданія тѣ порывы къ служенію меньшему брату, которыми жили наши гуманисты. Трагическій разладъ въ душѣ неминуемо являлся въ результатѣ этого „ухода въ себя“. Вѣдинскій, какъ можно судить по его

¹⁾ Соч. Ф. М. Достоевскаго, т. VI, стр. 586.

²⁾ „Грядущій хамъ“ Д. С. Мережковскаго, изд. 1906 г., стр. 34, 33. Въ этомъ—главная мысль всей книги.

интимнымъ письмамъ, больше другихъ и ближе другихъ подошелъ къ этому провалу душевному. „Онъ муки сомнѣнія въ справедливости своего идеализма скрывалъ отъ публики, уподобляясь раненой тигрицѣ, прибѣжавшей въ свое логовище кормить безпомощныхъ дѣтей, которымъ дѣла нѣтъ до ея смертельной раны“¹⁾... Трагичность, имѣющая свой корень именно въ нѣдрахъ самосознанія, а не только во внѣшнихъ условіяхъ общественнаго быта, проникаетъ всю литературу, начиная съ Тургенева, кончая Чеховымъ и Горькимъ. „Пусть тюремъ и сумасшедшихъ домовъ не будетъ, и правда восторжествуетъ, но вѣдь сущность вещей не измѣнится, законы природы останутся тѣ же. Люди будутъ болѣть, старѣться и умирать такъ же, какъ и теперь. Какал бы великолѣпная заря ни освѣщала нашу жизнь, но, всетаки, въ концѣ концовъ насъ заколотятъ въ гробъ и бросятъ въ яму“.

— А, безсмертіе? пробуешь собесѣдникъ ослабить этотъ пессимизмъ доктора Андрея Ефимовича=Чехова.

— Э, полноте! отвѣчаетъ онъ.

„О, зачѣмъ человѣкъ не безсмертенъ, слышимъ въ другомъ мѣстѣ стонъ его души. Зачѣмъ мозговые центры и извилины, зачѣмъ зрѣніе, рѣчь, самочувствіе, геній, если всему этому суждено уйти въ почву и въ концѣ концовъ охладѣть вмѣстѣ съ земною корою, а потомъ миллионы лѣтъ безъ смысла и безъ цѣли носиться съ землею вокругъ солнца... О, куда вы ушли, въ какомъ морѣ утонули зачатки прекрасной чистой жизни“, когда при каждомъ ударѣ грома

¹⁾ См. объ этомъ проникновенныя книги русскаго едва ли не самаго глубокаго ницшеянца Шестова: „Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше“. СПб. 1900, предисловіе, изъ котораго взяты и послѣднія слова; „Достоевскій и Нитше“ (Философія трагедій). СПб. 1903, стр. 31, 33, 83, 85.—Та же мысль и въ „Запискахъ изъ подполья“ Достоевскаго.

спѣшить я читать: „Святъ, Святъ, Святъ!“¹⁾ Какое странное созвучіе между этими словами и пессимизмомъ Тургенева!²⁾

Но Тургеневъ, Чеховъ—поэты. Они не жили общественной жизнью, которая одна можетъ заглушить религиозные вопросы. Послушайте Герцена, писавшаго въ итогѣ своей бурной и богатой общественной работой жизни. „Я уже не жду ничего, ничто... не удивить и не обрадуетъ глубоко; удивленіе и радость обузданы воспоминаемъ былаго, страхомъ будущаго. Почти все стало мнѣ безразлично, и я равно не желаю ни завтра умереть ни очень долго жить; пускай себѣ конецъ придетъ такъ же случайно и бессмысленно, какъ начало... Много разъ въ минуты отчаянія и слабости, когда горечь переполняла мѣру, когда вся моя жизнь казалась мнѣ одной продолжительной ошибкой, когда и сомнѣвался въ самомъ себѣ, въ *последнемъ*, въ *остальномъ*, приходили мнѣ въ голову эти слова: «зачѣмъ я не взялъ ружье у работника и не оставался на баррикадѣ». Невзначай сраженный пулей, я унесъ бы съ собою въ могилу еще два-три вѣрованія... Что же, наконецъ, все это—шутка!“³⁾

„Жизнь русской интеллигенціи—сплошное неблагополучіе, сплошная трагедія, подлинное желѣзо гвоздей распинающихся“, вѣрно и хорошо говоритъ Мережковскій⁴⁾... Но корень-то ея больше всего въ жаждѣ вѣры при потерѣ ея умомъ.

Чѣмъ же быть Леонтьевъ въ томъ „святая святыхъ“ своей души, о которомъ мы говорили до сихъ поръ такъ долго?

¹⁾ См. Чехова „Палата № 6“, стр. 143; его же „Дуэль“, стр. 103.

²⁾ См. его „Стихотворенія въ прозѣ“, особенно „Природа“.

³⁾ Соч. А. И. Герцена, Женева, т. VII, стр. 228 и сл.

⁴⁾ „Грядущій Хамъ“, стр. 25.

Прямых документов относительно переживаний, касающихся этой интимнейшей стороны человеческого духа, у Леонтьева нѣтъ. Да ихъ вѣдь нѣтъ ни у кого: высокое цѣломудріе кладетъ здѣсь свое покрывало, и о нихъ приходится лишь догадываться...

Гадать—имѣемъ право и о Леонтьевѣ.

„Я былъ тогда, вспоминаетъ Леонтьевъ капунъ своего переворота ¹⁾, боленъ, очень печаленъ, погруженъ съ утра до ночи въ однѣ и тѣ же неотвязныя и нестерпимо мрачныя мысли“. Въ письмѣ къ К. А. Губастову онъ вспоминаетъ ²⁾ „отчаяніе“ 70—71 года.

Гдѣ тѣ новыя причины, которыя могли вызвать эту драму душевную? Все, что мы знаемъ о жизни Леонтьева предшествующихъ лѣтъ, не представляется достаточнымъ для объясненія этой борьбы... Болѣзнь?.. *Но сама по себѣ болѣзнь*—физическое страданіе, и если она—причина душевныхъ мукъ, то въ связи съ неотвязчивыми думами или какъ поводъ къ нимъ. Не ошибемся, думаемъ, если отнесемъ „отчаяніе“ 70 года къ пересмотру того легкаго матеріалистическаго міровоззрѣнія, которое создалъ Леонтьевъ себѣ давно,—легкаго по формулѣ, но увы! имѣвшаго до могилы глубокіе корни въ природѣ этого человѣка. Теоретическій матеріализмъ, эстетика какъ *долгъ*, фатальная неотвратимость гибели всего отъ разрывающейся демократической заразы—вотъ несогласимые пункты, которые не могли въ такомъ глубокомъ и привыкшемъ отдавать себѣ разумный отчетъ человѣкѣ, какимъ былъ Леонтьевъ, не создать „смертельной раны тигрицы“, если не кормящей своихъ дѣтей подобно Бѣлинскому, то рвущей прогрессистовъ,—враговъ подлинной человеческой жизни...

1) „Изъ воспоминаній консула“, стр. 71.

2) „Письма“... кн. IX, стр. 397.

Не помню точно, гдѣ—столь конгеніальный Леонтьеву Розановъ писалъ: Бога нѣтъ—говорить мнѣ мой умъ... Но все же, когда ночью ляжешь въ постель и выглянешь изъ-подъ одѣяла, какъ отрадно видѣть мерцающій огонекъ въ лампадкѣ передъ образомъ... Не такъ страшно!.. На почвѣ общаго религіознаго—теоретическаго, такъ сказать,—кризиса томилъ Леонтьева и этотъ страхъ будущаго, только легкомысленнымъ людямъ невѣдомый, принявшій въ данномъ случаѣ характеръ возмездія за прожитую „грѣшную“ жизнь...

Тотъ же эстетизмъ помогъ Леонтьеву найти если не полное, то все же пока достаточное успокоеніе въ православіи. „Зачѣмъ намъ ждать все внѣшнихъ чудесъ, когда мы ежедневно видимъ въ самихъ себѣ чудеса внутреннія“, вспоминаетъ слова Хомякова въ одномъ изъ писемъ къ К. А. Губастову Леонтьевъ. Чудомъ внѣшнимъ и внутреннимъ было выздоровленіе Леонтьева по молитвѣ, обращенной къ иконѣ, привезенной монахомъ съ Афона. Оно было „последнимъ ударомъ молота, довершившимъ зданіе вѣры“ его.

По собственному признанію Леонтьева, онъ сталъ православнымъ подъ руководствомъ подвижниковъ Афона. Вѣра личная въ моментъ выздоровленія была пока лишь порывомъ; только потомъ обратилась она въ постоянное душевное настроеніе.

Нѣтъ нужды предупреждать изложеніе системы религіознаго міровоззрѣнія Леонтьева. Изъ сказаннаго ясно, что православіе воспринято имъ въ формѣ монашества: въ 74 году онъ уже „братъ Константинъ, а не К. Н. Леонтьевъ“, какъ пишетъ К. А. Губастову ²⁾).

Моменту послушанія придавалъ Леонтьевъ первенствующее значеніе. Послушаніе для него выражалось въ *прини-*

1) „Письма“... кн. IX, стр. 364.

жденіи себя. И если мы захотимъ ближе подойти къ религіозной психологіи обратившагося Леонтьева, то больше всего увидимъ въ ней этотъ моментъ принужденія. Леонтьевъ въ первые годы своей вѣрующей жизни (да и въ первые ли только?) *принудилъ* себя вѣрить. „Религія во многихъ случаяхъ тяжелое иго“, слышали мы его слова къ В. В. Розанову. „Только тамъ (въ Константинополѣ) я понимаю, что живу: въ другихъ мѣстахъ я только смиренно *покоряюсь и учусь насильственно благодарить* Бога за боль и скуку. Понимаете вы меня по прежнему или нѣтъ?“ пишетъ Л. изъ Кудинова К. А. Губастову ¹⁾... Также покорился Леонтьевъ и учился, можетъ быть, въ теченіе всей послѣдующей своей жизни „насильственно“ *вѣрять* въ Бога. Отказъ отъ своего ума и воли, полное подчиненіе старцу ²⁾: „нужно предпочитать худшее по совѣту старца—лучшему (болѣе *оброму*) своего выбора“—высшая ступень религіозной жизни по глубокому убѣжденію Леонтьева... Подлинно „тяжелое иго“ была вѣра Леонтьева, и къ нему никакъ не примѣнить дальнѣйшихъ словъ Христа!

Credo, quia absurdum!.. Мнѣ лично такая вѣра совершенно непонятна и представляется, кромѣ того, логическимъ противорѣчіемъ. Если вѣра—абсурдъ, то почему же я долженъ принять содержаніе ея. Если же я принимаю его, то, очевидно, потому, что она имѣетъ за себя какія-либо основанія въ моемъ же разумѣ, безъ котораго не обойдется никакая мистика,—и тогда она *не* абсурдъ. Содержаніе вѣры ирраціонально? но и тогда она не абсурдъ. Сознаніе ирраціональности вѣры заключаетъ въ себѣ огромныя *разумныя* права вѣры. Сознаніе ирраціональности вѣры заклю-

¹⁾ „Письма“..., кн. IX, стр. 367.

²⁾ „Письмо К. Н. Л. о старцествѣ“ безъ обозн. адресата, стр. 816—819. Объ этомъ пунктѣ намъ много придется говорить дальше.

часть въ себѣ огромный успѣхъ именно разума—сознание ограниченности разсудочнаго, чисто рационалистическаго знанія,—огромный успѣхъ разума, дающій возможность установить правильное отношеніе между религіей и наукой.

Credo, quia absurdum—формула, къ которой любилъ Леонтьевъ прибѣгать во все послѣдующее время своей жизни, когда нужно было ему опредѣлить психологію своей вѣры. И не слабость, а особое достоинство видѣлъ онъ въ этомъ распинаніи своего естественнаго разума.

„Послушайте—говорилъ Зедергольмъ Леонтьеву, склонность котораго къ католичеству смущала и пугала его. Вы долго не были настоящимъ христіаниномъ; вы обратились поздно. Я понимаю, что это очень полезно для начала уважать всякую вѣру, даже и буддизмъ, и предпочитать всякое исповѣданіе пустотѣ мнимаго прогресса. Да, для начала обращенія... Но останавливаться на этомъ нельзя. Надо идти дальше и чувствовать духовное омерзѣніе ко всему, что не православіе.

— Зачѣмъ я буду чувствовать это омерзѣніе? воскликнулъ Леонтьевъ. Нѣтъ! для меня это невозможно. Я Коранъ читаю съ удовольствіемъ.

— Коранъ—мерзость! сказала Климентъ Зедергольмъ отвращаясь.

— Что дѣлать! А для меня это прекрасная лирическая поэма. И я на вашу точку зрѣнія не стану никогда. Я не понимаю этой односторонности, и вы напрасно за меня опасаетесь. Я православію подчиняюсь, вы видите сами, вполне. Я признаю не только то, что въ немъ убѣдительно для моего разума и сердца, но и то, что мнѣ претить... *Credo, quia absurdum*...

— Въ ученіи церкви не можетъ быть абсурда, горячо возразилъ Климентъ.

— Вы придираетесь къ словамъ. Я выражусь иначе: я вѣрую и тому, что по немощи человѣческой вообще и мо-

его разума въ особенности кажется мнѣ абсурдомъ. Оно не абсурдъ, положимъ, само по себѣ, но для меня какъ будто абсурдъ... Однако я вѣрую и слушаюсь. Позволю себѣ похвастаться и впасть на минуту даже въ духовную гордость и скажу вамъ, что это лучший можетъ быть родъ вѣры... Совѣтъ, который намъ кажется разумнымъ, мы можемъ принять отъ всякаго умнаго мужика, напримѣръ. Чужая мысль поразила нашъ умъ своей истиной. Что же за диво принять ее? Ей подчиняешься невольно и только удивляешься, какъ она самому не пришла на умъ раньше. Но, вѣруя въ духовный авторитетъ, подчиняться ему противъ своего разума и противъ вкуса, воспитанныхъ долгими годами иной жизни, *подчинять себя произвольно и насильственно, вопреки цѣлой бурѣ внутреннихъ протестовъ, мнѣ кажется, это есть настоящая стра*"¹⁾. Здѣсь, въ подчеркнутыхъ нами словахъ, сказанныхъ Леонтьевымъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его, какъ онъ говоритъ, „возвращенія къ положительной вѣрѣ“, мы подходимъ къ самой психологической сущности его религіознаго переживанія. Въ послѣдующіе годы его вѣра укрѣплялась лишь. Природа же ея была одною и тою же какъ въ моментъ „обращенія“, такъ и въ періодъ утвержденія.

Мы говорили выше: вѣра—подвигъ духа. Но подвигъ есть *высота* духа, *продолженіе* его линій. Вѣра Леонтьева—*разрывъ*, полный разрывъ съ естественной природою духа: *scredo, quia absurdum*—онъ вѣрилъ „насилъственно, вопреки цѣлой бурѣ внутреннихъ протестовъ“.

„Насилъственнымъ“ характеромъ отличалась вѣра Леонтьева прежде всего въ ея теоретическомъ моментѣ. „Попробуйте сопоставить воскресеніе, вознесеніе, рожденіе отъ Дѣвы, оставшейся Дѣвой, и т. п. съ современной физиологіей, целлулярной анатоміей, дарвинизмомъ и т. д.? Какъ

¹⁾ „От. Клим. Зед.“, стр. 96—99.

хотите, а значительной частью того или другого надо пожертвовать. Я для моей *личной* жизни давно, давно и съ радостью пожертвовалъ наукой и во многихъ смыслахъ, во 1-хъ, въ томъ смыслѣ, что я ее уже давно *сердцемъ* пересталъ любить *въ основаніи*, а смолоду любилъ; во 2-хъ въ томъ смыслѣ, что въ случаяхъ *сомнѣній* считаю эти сомнѣнія мои дѣйствіемъ злого духа и *отгоняю* ихъ отъ ума моего, какъ *грѣхъ*, въ 3-хъ въ томъ, что все усовершенствованія новѣйшей техники *ненавижу всей душой* и безкорыстно мечтаю, что хоть лѣтъ 25—50—75 послѣ моей смерти *истины новѣйшей социальной науки*, сами *потребности* обществъ потребуютъ если не уничтоженія, то строжайшаго *ограниченія* этихъ изобрѣтеній и открытій. *Мирныя* изобрѣтенія (телефоны, жел. дор. и т. д.) въ 1000 разъ вреднѣе изобрѣтеній *боевой* техники. Последнія убиваютъ много отдѣльныхъ *людей*, первыя убиваютъ шагъ за шагомъ всю живую, *органическую* жизнь на землѣ. Поэзію, религію, обособленіе государства и быта. «Древо познанія» и «Древо жизни». Усиленіе *движенія* само по себѣ не есть еще признакъ усиленія жизни. Машина идетъ, а живое дерево стоитъ.. Мы еще съ вами сдумѣемъ какъ-нибудь переварить это точное съ таинственнымъ (я *первое* обыкновенно подчиняю второму, говоря: быть можетъ, ученые *ошибаются*), но пока *популярная* наука, ходячая, не приметъ того пессимистическаго *самоотрицающаго* характера, о которомъ мечтаю, не только студенту и даже профессору дюжиннаго ума, но и нынѣшнему вполноному писарю не легко будетъ справиться съ этимъ антагонизмомъ, и сила болѣе ясная и грубая (ядобавокъ же и *модная*), т. е. сила точной науки будетъ торжествовать надъ *истинной* и *личной*, т. е. богобоязненной религіей" ¹⁾. Такъ писалъ Леонтьевъ В. В. Розанову. Хорошо это „можетъ быть, опи-

¹⁾ „Изъ перепеч. ^...“, кн. VI, стр. 413- 414.

баются“. Ну, а если *не* ошибаются? Credo, quia absurdum! И какая пристань для вѣры?! „Авось ошибаются“... Такъ и слышится здѣсь: о, если бы ошибались! Ну, а если не „ошибаются“?! Тогда „credo, quia absurdum“...

Насиліемъ надъ своею душой была вѣра Леонтьева и въ другомъ существенномъ моментѣ религіи—практическомъ, нравственномъ. Чуть не въ дѣтскіе годы, мы видѣли, началась въ душѣ Леонтьева, по его слову, „жестокая борьба нравственности и поэзіи“. Неравный споръ въ послѣдующее время закончился полной побѣдой эстетическаго чувства: въ 67 году („Ай-Бурунь“) Леонтьевъ былъ аморалистомъ.

Перенесемъ къ 91 году, году смерти Леонтьева, прожившаго 20 лѣтъ, какъ онъ говоритъ, *новой* жизнью, на *новыхъ* основахъ.

„Я считаю *эстетику мѣриломъ* наилучшимъ для исторіи и жизни, ибо оно приложимо ко всѣмъ вѣкамъ и ко всѣмъ мѣстностямъ, пишетъ Леонтьевъ В. В. Розанову. *Мѣрило положительной религіи*, на примѣръ, приложимо только къ *самому себѣ* (для спасенія индивидуальной души *моей за гробомъ, трансцендентный эгоизмъ*) и вообще къ людямъ, исповѣдующимъ *ту же религію*. Какъ вы будете, на примѣръ, приступать со строго христіанскимъ мѣриломъ къ жизни современныхъ китайцевъ и къ жизни древнихъ римлянъ? Мѣрило чисто моральное тоже не годится, ибо, во 1-хъ, придется предать проклятію большинство полководцевъ, царей, политиковъ и даже художниковъ (большой частью художники были развратны, а многіе и жестоки); останутся одни «мирные земледѣльцы», да какіе-нибудь кроткіе и честные ученые. Даже *нѣкоторые святые, признанные христіанскими церквами, не вынесутъ чисто-этической критики*. На примѣръ, св. Константинъ, св. Ирина, св. Кирилль Александрійскій и почти *всѣ ветхозавѣтные святые* (которымъ,

однако, *вельно молиться*)... Въ эстетическомъ же мировоззрѣніи *все совмѣстимо!*"...

Еще яснѣе конецъ этого письма, гдѣ Леонтьевъ „держаетъ, какъ онъ выражается, прибавить нѣсколько «безумныхъ» своихъ афоризмовъ". Вотъ эти „афоризмы".—лучше бы сказать, сицлогизмы.

1) „Если видимое разнообразіе и ощущаемая интенсивность жизни (т. е. ея эстетика) суть признаки внутренней *жизнеспособности* человѣчества, то уменьшеніе *изъ* должно быть признакомъ *устарѣнія* *человѣчества* и его близкой *смерти* (на земль).

2) Болѣе или менѣе удачная повсемѣстная проповѣдь христіанства должна неизбѣжно и значительно уменьшить это разнообразіе (прогрессъ же, столь враждебный христіанству *по основамъ*, сильно вторить ему въ этомъ *по внѣшности*, отчасти и *поддѣлывался* подъ него).

3) Итакъ, и христіанская проповѣдь, и прогрессъ европейскій совокупными усиліями стремятся убить *эстетику* *жизни на земль*, т. е. *самую жизнь*.

4) И церковь говоритъ: *«Конецъ приблизится, когда Евангеліе будетъ проповѣдано вездѣ»*.

5) *Что же дѣлать?* Христіанству мы должны помогать, даже и въ ущербъ любимой нами эстетики, изъ *трансцендентную* эгоизма, во страху загробнаго суда, для *спасенія нашихъ* собственныхъ душъ, но прогрессу мы должны, гдѣ можемъ, противиться, ибо онъ одинаково вредитъ и христіанству, и эстетикѣ" ¹⁾.

Выписанное нами мѣсто весьма характерно для опредѣленія мировоззрѣнія Леонтьева, и мы подробно будемъ анализировать его дальше. Здѣсь—какъ нельзя яснѣе—оно показываетъ, что религиозный переломъ Леонтьева не былъ кризисомъ въ смыслѣ *перерожденія*: и шестидесятилѣтнимъ монахомъ Леонтьевъ остался ни на іоту не измѣнившимся эстетикомъ-аморалистомъ. И та „личная вѣра", къ которой

¹⁾ „Изъ перепис."... кн. IV, стр. 419.

онъ *принудилъ* себя, цѣльнымъ пластомъ легла на другой, сложившейся независимо отъ него. Не нужно много говорить о томъ, какъ беспомощно бьется эстетикъ-эллинизмъ въ самопротиворѣчяхъ... Эстетика жизнь. Христіанство вредитъ эстетикѣ. *Igitur...* мы должны помогать ему для спасенія нашей души (трансцендентный эгоизмъ). Эстетика—жизнь. Прогрессъ вредитъ эстетикѣ. *Igitur...* мы должны противиться ему...

Какъ бы ни была „нестерпимо сложна“ натура Леонтьева,—психологически невозможно было дальнѣйшее совмѣщеніе такихъ несовмѣстимыхъ элементовъ. Здѣсь-то справедливо слово Леонтьева: чѣмъ-либо да нужно было пожертвовать. И не Леонтьеву можно было успокоиться, какъ то бываетъ у другихъ, на этой двойной душевной бухгалтеріи. И намъ дороги невольнo прорывающіеся крики Леонтьева, которые такъ хотѣлось бы ему самому заглушить стукомъ монашескихъ веригъ. „Если вы спросите у меня исповѣди сердца моего, то я скажу вамъ, что я все тоскую, все тоскую вездѣ“... пишетъ Леонтьевъ К. А. Губастову въ 75 году изъ *Мещовскою монастыря св. Георгія* ¹⁾ (курс. нашъ)... А что значатъ слова изъ письма къ В. В. Розанову отъ 19 іюня 1891 года (курс. нашъ) ²⁾: „при моей вѣрѣ въ мистическія начала, вамъ, конечно, не покажется страннымъ, что я придаю *большое* значеніе моему заочному знакомству съ вами *именно тогда, именно тогда*, когда во мнѣ случился особаго рода внутренній переломъ?“ Дальше Леонтьевъ сводитъ этотъ переломъ къ тому, что теперь онъ находитъ для себя возможнымъ уже не писать... Но, чувствуетъ сердцемъ, что здѣсь дѣло не въ этомъ только, все же частномъ фактѣ... Не правильнѣе ли сказать, что если достигъ душевнаго спокойствія Леонтьевъ, то лишь за нѣсколько мѣ-

¹⁾ „Письма“, кн. IX, стр. 368.

²⁾ „Изъ переп.“, кн. IV, стр. 410.

сяцевъ до смерти. Да и достигъ ли?... Вѣдь онъ же увѣрялъ—и конечно, искренно,—что переломъ у него, послѣ котораго сталъ онъ жить совсѣмъ по иному, по-хорошему, произошелъ еще въ 71 году!...

Нѣтъ. Здѣсь справедливы и всесильны собственныя же слова Леонтьева: чѣмъ-либо да нужно пожертвовать. И весь дальнѣйшій періодъ—дѣйствительно самый плодотворный, когда Леонтьевъ написалъ все то, чѣмъ онъ только извѣстенъ широкому (для его *fatum'a*, конечно) обществу,—есть постепенное и постоянное пожертвованіе... христіанствомъ *eo* эллинизму—не тому эллинизму, о которомъ мы знаемъ, но „величавой“¹⁾ и безъисходно мрачной красотѣ. Мы будемъ присутствовать при созиданіи культа могущественной и въ своемъ могуществѣ красивой и величественной смерти... Да простится мнѣ одна, на первый взглядъ совершенно чуждая, аналогія. Есть что-то величественное въ своей мрачности въ картинахъ послѣднихъ дней Гоголя, нарисованной проф. Веселовскимъ²⁾, когда Гоголь подѣ влияніемъ по своему понятому религіознаго долга сжигаетъ въ темной комнатѣ, освѣщенной лишь здовѣщимъ пламенемъ камина, свое безсмертное произведеніе и, вмѣстѣ съ нимъ, всю свою художественную дѣятельность, мало того,—самого себя, творца гениальныхъ твореній... Есть что-то родственное между этимъ, можетъ быть, только у насъ на Руси возможнымъ, трагическаго значенія фактомъ и двадцатилѣтнимъ сжиганіемъ самого себя Леонтьевымъ... Но есть и разница. Гоголь свою художественную душу несъ на алтарь непра-

1) „Поддьяки“, первая строка.

2) „Этюды и характеристики“. М. 1894. Стр. 561. Въ „Тетрадахъ“ Леонтьевъ говоритъ о своемъ учителѣ отцѣ Амвросіи Оптинскомъ, что тотъ больше сочувствовалъ сожженію Гоголемъ своихъ произведеній, чѣмъ писанію.

виднаго понятной вѣры. Леонтьевъ—самъ того не вѣдая—жегъ христіанство, которому онъ хотѣлъ отдать самого себя безраздѣльно...

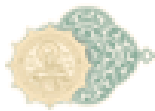
Но не будемъ предупреждать событій. Икона, привезенная монахомъ съ Аѳона, предъ которой произошло чудесное исцѣленіе Леонтьева, привела его самого на Аѳонъ, это „глухое и тихое убѣжище чистаго православія“¹⁾, гдѣ „встрѣтишь онъ свой идеаль отреченія“, какъ писалъ въ 73 году²⁾. Можно себѣ представить, какъ подѣйствовали самый видъ Аѳона на поклонника „величавой красоты“. Къ нему всецѣло примѣняемъ слова, сказанныя имъ же самимъ о Климентѣ Зедергольмѣ, также здѣсь обрѣтшемъ свою вѣру³⁾. „Его удивительная природная красота, его нагія, страшныя скалы, его густыя лѣса, его ручьи, на берегахъ которыхъ растутъ такой исполинской ширины платаны.. Обширныя и древнія обители, похожія больше на феодальныя замки, чѣмъ на наши однообразныя, обведенныя зубчатою стѣной, все бѣлыя, все съ зелеными куполами и крышами монастыри... Я зналъ—пишетъ Леонтьевъ—невѣрующихъ людей или полувѣрующихъ, которые приходили въ восторгъ отъ «поэзіи» Аѳона, отъ его своеобразнаго устройства, отъ самихъ монаховъ—и греческихъ, и болгарскихъ, и русскихъ“.

„Постригаться немедленно меня отговорили старцы, но *православнымъ* я сталъ очень скоро подъ ихъ руководствомъ“, писалъ, какъ мы знаемъ, Леонтьевъ черезъ 20 лѣтъ о данномъ моментѣ своей жизни.

1) „Востокъ, Россія и Славянство“, т. I, стр. 31. Ст. „Панславизмъ на Аѳонѣ“.

2) Тамъ же, стр. 37.

3) „Отецъ Климентъ Зедергольмъ“, стр. 13—14.

Къ сожалѣнiю, къ *этому именно году* относящихся „документовъ духовнаго переживанiя“ Леонтьева нѣтъ. Но въ достаточной степени вознаграждаютъ насъ позднiя сообщенiя его, позднiя его рѣчи, *ассоциировавшiяся* съ этимъ первымъ пребыванiемъ на Святой горѣ. Леонтьевъ правъ, когда говоритъ, что онъ скоро подъ руководствомъ старцевъ сдѣлался „*православнымъ*“.

Вопросъ другой, правильно ли Леонтьевъ воспринялъ православiе Афона, но именно въ эти дни и мѣсяцы первого пребыванiя въ стѣнахъ его прочно сложилось религиозное мировоззрѣнiе, которое съ такою настѣйчивостью, порою фанатизмомъ, развивалъ и проповѣдывалъ онъ во всю остальную свою жизнь. Къ 73—74 году относятся труды Леонтьева, въ которыхъ мы встрѣчаемъ уже *цѣльную* систему христiанскаго воззрѣнiя. Но *созрѣвала* она подъ сѣнью монастырей Святой горы. Обратимся къ источникамъ.

Въ первое же свое посѣщенiе Леонтьевъ пробылъ на Афонѣ Святую Четырдесятницу, — когда „непостижимый для непривычнаго, хотя бы и вѣрующаго, человѣка аскетизмъ большинства греческихъ и русскихъ обитателей на Святой Горѣ доходитъ до того, что становится въ инныя минуты страшно о немъ и подумать“, — и Пасху. „*Великое море* Четырдесятницы! Море голода и унынiя, усталости и насильственной молитвы, отъ которой однако сама совѣсть, сама личная воля не позволяютъ отказаться безъ крайняго изнеможенiя“... „Въ это время всѣ на Афонѣ становятся, волей и неволей, высокими подвижниками духовными и тѣлесными. Тотъ, кому это полегче, не долженъ гордиться, а долженъ смиряться передъ высшей «благодатью» подобнаго облегченiя; тотъ, кому это очень трудно, больно и скучно, долженъ помнить, что эта боль и эта скука, это состоянiе почти ежеминутнаго несноснаго *понужденiя*, оно-то и есть настоящее *монашество*, т. е. добровольное хроническое муче-

ничество во славу Божию“¹⁾... „Церковныя службы и въ обыкновенное время, по нашему мірекому суду, слишкомъ долгія и слишкомъ частыя, во время поста наполняютъ почти весь день и всю ночь; ограниченіе въ пищѣ доводится до самаго крайняго предѣла. Въ иныя дни *только пшеница* дается по помтю хлѣба, чтобы они были въ силахъ пѣть“... Настаетъ „Великая недѣля“ *страданій*. „И въ честь Христа, во славу Божию человѣческія усилія становятся еще болѣе жестокими“²⁾...

Религіозная жертва сама въ себѣ заключаетъ великую радость. Подвижники говорятъ о религіозномъ восторгѣ, являющемся въ самыя сильныя минуты плотского изнеможенія. Очищеніе и возвышеніе духа между прочимъ и путемъ тѣлеснаго аскетизма ведетъ къ *общенію съ Богомъ*—единственная цѣль религіознаго подвижничества. Какую же радость испытываютъ, *по словамъ Леонтьева*, тѣ герои аскетизма, о которыхъ говоритъ онъ съ такимъ восторгомъ?

Въ плоскость простаго эмпиризма вводитъ онъ высочайшую мистику подвижничества, вся радость котораго по нему въ смѣнѣ величайшаго „принужденія и болѣзненности“, ограниченія въ пищѣ съ одной стороны, „долгаго и покойнаго сна“, „свободнаго“ посѣщенія службы и умѣренно сътаго стола съ другой³⁾. „Восторги душевнаго умиленія— *не отъ насъ*, пишетъ несчастный Леонтьевъ, которому, очевидно, они не были даны... Это награда свыше за подвигъ или поддержка слабому и унылому *за доброе изволеніе понудить себя и покориться*. Все пріятное и утѣшительное не отъ насъ, а отъ Бога; отъ насъ все принудительное, самогра-

¹⁾ „Востокъ, Россія и Славянство“, т. II, стр. 334 и сл. Ст. „Пасха на Аѳонѣ“.

²⁾ Тамъ же, стр. 335; 336.

³⁾ Тамъ же, стр. 339.

ничивающее, т. е. скучное... даже и на молитвѣ. Такова философія истиннаго аскетизма“¹⁾. Леонтьевскаго аскетизма, осмѣлимся мы сказать отъ имени истинныхъ подвижниковъ, творенія которыхъ говорятъ объ иномъ. И не можемъ удержаться отъ того, чтобы не вспомнить здѣсь про вопросъ, заданный Леонтьеву Ив. С. Аксаковымъ въ частномъ письмѣ²⁾: что здѣсь въ собственномъ смыслѣ слова христіанскаго, и чѣмъ *этой* аскетизмъ отличается отъ аскетизма магометанъ, индѣйцевъ, поклонниковъ Браммы или Будды (дервиши, факиры и пр.)?

Но... конецъ „великому морю тѣлеснаго истязанія и нестерпимой въ нѣвые дни душевной борьбы, унынія и туги!“

Мы у берега—у берега веселаго, цвѣтущаго! Мы отдохнемъ теперь. Мы достойны отдыха!

„Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ“³⁾... Наступила Пасха. Въ чемъ же радость этого Великаго праздника. *Ни слова* о душевныхъ переживаніяхъ, вызываемыхъ мыслью объ Іисусѣ Христѣ, Воскресшемъ, какъ и раньше *ни слова*—объ этомъ вызывающемъ у религіознаго человѣка слезы, единственномъ въ своей глубокой грусти, богослуженіи Страстной седмицы!.. „Заутреня подъ Свѣтлый праздникъ на Аѳонѣ длится всю ночь до ранняго утра—спокойно чуть не протоколируетъ Леонтьевъ. Потомъ всѣ расходятся на короткое время и опять возвращаются въ церковь къ ранней обѣднѣ“... Но вотъ слышится дальше паеосъ повѣствователя. „Я не знаю, какъ назвать этотъ короткій перерывъ богослуженія: часомъ отдыха или новымъ испытаніемъ? *Снова* собираться къ обѣднѣ очень трудно! Опять понужденіе, опять подвигъ послѣ истинно всемог-

1) Тамъ же, стр. 335.

2) Это письмо, не опубликованное въ печати, находится въ тетрадахъ Леонтьева. Въ своемъ мѣстѣ оно будетъ приведено нами въ полномъ видѣ.

3) Тамъ же, стр. 339.

наго бдѣнія!“¹⁾... „Настоящее утѣшеніе“—большее, чѣмъ пасхальная утренняя и литургія,—ждало, по словамъ Леонтьева, впереди: это—*Вечерня воскресная* (Девтѣра анастасисъ)“. Съ большимъ талантомъ, съ большой долей поэзіи, но—въ при-мѣненіи къ событію—поэзіи *сухой*, описываетъ Леонтьевъ внутренній видъ храма и главное для него—это своеобразное и на первый разъ странное поперемянное чтеніе Евангелія на греческомъ, славянскомъ, турецкомъ, латинскомъ и албанскомъ языкахъ, раздѣляемое потрясающимъ звономъ колоколовъ, пальбою изъ ружей „стражниковъ въ фустанеллахъ“, нигдѣ неслыханнымъ и чрезвычайно пріятнымъ, особенно переливающимся звономъ металлическихъ шариковъ, ударяемыхъ по мѣднымъ кругамъ. „Вечерня кончилась. Звонъ и пальба прекратились. На мощенномъ дворѣ и въ длинныхъ корридорахъ келій опять водарилось глубокое безмолвіе отдыха. Изъ открытаго окна моего, сидя, долго смотрѣлъ я на розовые, золотые, желтые, бурые и бѣлые кусты какъ бы ликующей вмѣстѣ съ нами горы, обыкновенно мрачной и скучной. Я слушалъ тихое бряцаніе колокольчиковъ на шеяхъ пасущихся муловъ; но другіе образы и звуки неотступно и восхитительно владѣли душой моею во весь этотъ вечеръ. Эти возгласы и звонъ, это чтеніе Слова Божія... Эти разнородные, несхожіе звуки: миръ вамъ! *Эрѣни и мѣнъ! Pax vobis! Селдѣмъ сизѣ!*... Суровый храмъ, суровые лики иконъ, сіяніе серебра и золота повсюду,—пальба, безмолвіе, перезвоны, опять безмолвіе, опять молитвенный возгласъ, опять пальба, и звонъ и пѣніе... И тишина, и чтеніе прекрасное среди благоговѣйнаго вниманія, едва-едва нарушаемаго... какой-нибудь улыбкой сочувствія или легкаго удив-

¹⁾ Тамъ же. стр. 339.

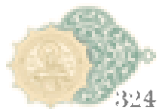
ленія... И надъ всѣмъ этимъ—круговая, тихорадостная, не престающая *пляска безчисленныхъ огней* въ темной высотѣ... Нѣтъ, это въ самомъ дѣлѣ «праздникъ изъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ»!..¹⁾

Ну, а гдѣ же за этой пластической поэзіей религиозная поэзія?! Гдѣ—Неизреченный Ликъ Спасителя, отъ котораго идутъ лучи блаженства въ душу христіанина?! Пережились ли бы переживанія Леонтьева, если бы онъ былъ въ это время своего присутвія на „праздникѣ изъ праздниковъ, торжествѣ изъ торжествъ“ не только атеистомъ, но служителемъ какой бы то ни было другой религіи?! Гдѣ здѣсь, спросимъ словами Ив. С. Аксакова, собственно христіанское?!.. Увы! Передъ нами Леонтьевъ—прежній эстетикъ, механически срощающій съ своимъ культомъ величавой многообразной красоты религіозную вѣру и во имя первой опустошающій содержаніе второй.

Весьма важнымъ фактомъ слѣдуетъ признать почти полное отсутствіе въ многочисленныхъ богословскихъ статьяхъ Леонтьева цитатъ изъ Евангелія, св. апостоловъ: онѣ такъ рѣдки, что порою возникаетъ въ душѣ вопросъ—читалъ ли онъ то и другое. Леонтьевъ опредѣляетъ „сущность христіанства“ исключительно потому, какъ воспринято оно имъ—по его убѣжденію, правильно—въ стѣнахъ греческихъ монастырей, и русскихъ, поскольку послѣдніе являются вѣрными учениками первыхъ. „Христіанство первыхъ вѣковъ—слишкомъ молодое деревце, которое еще не цвѣтетъ и плодовъ не приносить“²⁾—говоритъ онъ много позднѣе. То и другое въ монастыряхъ Православной Церкви.

1) Тамъ же, стр. 345.

2) „Отецъ Климентъ Зедергольмъ“, стр. 33.

Христіанство, такимъ образомъ, получило здѣсь существенное дополненіе. И вотъ существенные пункты этого дополненія.

„Монахъ уже тѣмъ однимъ хороше—любилъ повторять Леонтьевъ—что онъ не вѣритъ въ правду на землѣ и въ прогрессъ“. Крайній пессимизмъ Леонтьева нашель въ міровоззрѣніи Аѳонскаго монастыря, какъ онъ думаетъ, полное свое подтвержденіе. „Христіанство *далеко отъ нынѣшняго ученія земныхъ удобствъ и земного благоденствія*—пишетъ Леонтьевъ объ о. Климентѣ, только что возвратившемся съ Аѳона. Въ основаніи своемъ оно есть безъустанное поученіе о Христѣ; и все наши добрыя качества, облегчающія намъ отъ времени до времени эту борьбу духа и плоти, суть не что иное, какъ дары Божіи. Заслуга только въ вѣрѣ, въ покаяніи и смиреніи, если не можешь понудить себя; все неволью хорошее въ насъ, все естественное доброе есть даръ благодати для облегченія борьбы. Когда, вопреки сухости сердца и равнодушію ума, идетъ христіанинъ въ церковь или дома становится на принудительную молитву, это выше, съ точки зрѣнія личной заслуги, чѣмъ молитва легкая, радостная, умиленная, горячая... Такая пріятная молитва есть даръ, награда, милость. Это не наше, это Божіе. Наши только вѣра и смиреніе, то есть презрѣніе къ себѣ и благодареніе Богу за все, даже и за нестерпимыя муки въ здѣшней жизни“ ¹⁾. „Монахи все *пессимисты* относительно европеизма, свободы, равенства и вообще относительно земной жизни человѣчества... Они думаютъ, что войны, распри семейныя, неравенство, болѣзни, «гладъ и трусъ» не только *неизбѣжны*, но иногда даже очень *полезны* людям“ ¹⁾.

¹⁾ „О. Кл. Зедергольмъ“, стр. 31.

Пессимизмъ монашества ишетъ дальше: аморалистъ Леонтьевъ слышитъ отзвуки себѣ въ наставленіи Аѳонскаго старца Иларіона о. Клименту. „Познать истину православія— великое дѣло.— Но дѣла должны быть сообразны съ вѣрою?— Какія дѣла христіанина? отвѣчалъ отецъ Иларіонъ. Онъ не долженъ имѣть двухъ женъ и исполнять другія заповѣди, а совершать такія дѣла, какъ Антоній Великій, не каждому дано“²⁾).

Вся сущность христіанства въ послушаніи, доходящемъ до полного отказа отъ своей воли, отъ своего разума. Греческіе монастыри, въ которыхъ вся организація основывается на послушаніи, являются идеаломъ устроенія земной жизни; въ послѣдствіи Леонтьевъ такъ и представлялъ жизнь человѣчества, какъ кооперацію монастырскихъ общинъ... Всѣ другія формы жизни—не организованное монашество— являются съ христіанской точки зрѣнія лишь подготовительными ступенями³⁾. Если монастырь служитъ „двѣтомъ христіанства“, то въ немъ (въ монастырѣ) высшимъ выраженіемъ является институтъ старчества. Старець—безграничный водитель совѣсти человѣка, и „его плохой совѣтъ должно предпочитать своему болѣе доброму и хорошему, но своевольному поступку“⁴⁾.

Священникъ К. Аггеевъ.

1) „Востокъ, Россія и Славянство“, т. II, стр. 75.

2) „О. Кл. Зедергольмъ“, стр. 27.

3) Тамъ же, стр. 30.

4) Тамъ же, стр. 35 и сл. См. также „Письмо о старцествѣ“, Рус. Обзор. 94, 10.